

УДК 32

Сущность реституции в период декоммунизации в Центральной и Восточной Европе

Нагорных Олег Владимирович

Аспирант,

Уральский федеральный университет,

620002, Российская Федерация, Екатеринбург, просп. Мира, 19;

e-mail: nagornyh72@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена теоретическому осмыслению процесса реституции, который является одним из важных элементов декоммунизации в Центральной и Восточной Европе. Автором предпринимается попытка выделить особенности и сущностные характеристики данных процессов. Данная проблема мало изучена в отечественной литературе и требует дальнейших исследований. При этом статья подводит некоторые итоги изучения исследователями из различных областей гуманитарного знания процесса декоммунизации в странах Центральной Восточной Европы. Автор стремится проанализировать оценку экономических изменений населением стран Центральной Восточной Европы, представленную в обзорах исследователей. В статье затрагивается проблема понимания справедливости распределения материальных благ при переходе от коммунизма к иному политическому и экономическому режиму. Также автор обращает внимание на нормативную базу проведения реституции и оценку ее эффективности. Автор приходит к выводу, что суть реституции - справедливое перераспределение имущества, опирающееся на идею неотъемлемых прав человека, в том числе право частной собственности. В аспекте декоммунизации этот процесс приобретает ведущие значение, так как он идеологически подкрепляет переход от коммунизма. При этом в статье отмечается, что данный процесс остается на уровне мировоззрения и идеи, так как на самом деле справедливое распределение благ невозможно из-за нескольких аспектов: неизменность правящей верхушки, наличие социальной стратификации, невозможности определения, кто более достоин, получить данные блага, противоречивости восприятия данного процесса среди простого населения. В статье обозначены проблемы реституции Польши.

Для цитирования в научных исследованиях

Нагорных О.В. Сущность реституции в период декоммунизации в Центральной и Восточной Европе // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 4А. С. 82-90.

Ключевые слова

Декоммунизация, реституция, приватизация, элита, справедливость, неолиберализм, Польша.

Введение

Трансформационные процессы, начавшиеся в странах Центральной и Восточной Европы (далее ЦВЕ) с середины 80-х годов XX века, привели к глубоким структурным преобразованиям, предполагающим процесс конструирования новой социальной, экономической и политической организации общества. Направление посткоммунистической трансформации считалось «перспективным», триумфальным, демократическим и позитивным, в отличие от прежнего режима, который был незаконным, основанным на произвольной воле партии, отрицал «права» и акцентировал внимание исключительно на «обязательствах» своих «субъектов».

Некоторые изменения в социальной, экономической и политической жизни, которые происходили в период перехода от тоталитаризма к демократии, в ЦВЕ получили название «декоммунизация». Данное понятие имеет мировоззренческую, ценностную и мотивационную функцию, оно стало основой для легитимности новой правовой системы. Однако общепризнанного определения категории «декоммунизация», ее сущностные и основные характеристики в политической науке не определены.

Проблемы декоммунизации в отечественной политической науке освещены недостаточно широко по сравнению зарубежными исследованиями. Среди зарубежных ученых необходимо выделить Ч. Кути, В. Кепл, Дж. Эльстер, И. Погани, В. Садурски, В. Янгблад, М. Лос, Л. Дамши, Н. Летки, С.М. Хорн, Р. Мольтц и др. Из российских авторов можно отметить Е. Лезину, Р. Мухаметова, О. Нагорных. Тем не менее, необходимо отметить, что в политическом сообществе так и не сложилось общее мнение о специфике, содержании и роли декоммунизации.

Последние 20 лет изменили оценку и подходы к декоммунизации в бывших коммунистических государствах ЦВЕ. Исследователи выделяют основные элементы декоммунизации:

- справедливость в отношении жертв преступлений, совершенных структурами и должностными лицами коммунистических режимов;
- решение проблемы участия функционеров бывших коммунистических режимов и тайных сотрудников в общественной жизни после передачи власти;
- доступ к файлам секретных служб бывших коммунистических режимов;
- топонимика (изменение названий мест, улиц, городов на не имеющие отношения к коммунистическому прошлому);
- реституция и/или компенсация имущества, национализированного коммунистами после 1944 года; приватизация.
- общая историческая оценка коммунистического режима [Нагорных, 2018, 12].

Сущность реституции

Обратимся к одному из важных элементов декоммунизации – процессу реституции. Рассмотрим ее особенности и сущностные характеристики.

Оксфордский словарь определяет «Restitution» (реституция) как: 1. Восстановление чего-то потерянного или украденного его собственному владельцу; 2. Компенсация за ущерб или потерю; 3. Восстановление чего-то в исходном состоянии» [English Oxford, www]. Р. Луди уточняет: «исправление» это восстановление того, что было удалено, тогда как «компенсация» это предоставление чего-то эквивалентного по стоимости потерянному [Ludi, 2006, 427].

Р. Вернон выражает сомнение в том, что «реституция» имеет какое-либо значение в обосновании исторических нарушений [Vernon, 2003, 542]. С. Тышка при анализе событий происшедших в Польше и Чехии после 1989г., рассматривает реституцию как «средство памяти» [Tyszka, 2010, www]. С точки зрения одного из влиятельных исследователей переходного периода, Р. Тейтеля, реституция недооценивается. Поскольку совершенно не ясно, где она относится к мерам переходного правосудия, а где к виду репаративной справедливости. В своей монографии «Переходное правосудие», автор часто рассматривает реституцию как механизм, предназначенный для выполнения тех же целей, что и приватизация [Teitel, 2000, 129]. Х. Аппель отмечает, что посткоммунистическая реституция имеет несколько функций, это: возвращение недвижимого имущества, которое было законно или незаконно конфисковано в коммунистический период; важную (национальную) функцию создания идентичности; перераспределение прав собственности между политическими и этническими группами; распределение привилегий, между политическими и этническими группами [Appel, www].

Однако в странах ЦВЕ цель реституции рассматривалась по-разному. В Польше конституционный трибунал определил «выгодный социальный аспект реституции, Литовскому конституционному суду так же удалось найти некоторые социальные цели в реституции, утверждая, что «он восстанавливает права на землю, что фактически означает процесс аграрной реформы», согласно Чешскому суду законность актов о реституции заключается в том, чтобы, по крайней мере, в определенной степени, компенсировать последствия нарушения основных прав физических и юридических лиц в тоталитарную эпоху [Kuti, 2009, 77].

В результате мы приходим к выводу, что после падения коммунизма в ЦВЕ, отсутствие в современной политической науке общего мнения на определения и концепции реституции спровоцировало жесткие дебаты между различными политическими группировками, а так же яростную парламентскую полемику, которая продолжается и по сегодняшний день. Также нет согласия в отношении таких терминов как «репарация», «компенсация» и «исправление исторических ошибок». Кроме того, даже если основные международные документы, такие как Всеобщая декларация, Протокол к Европейской конвенции о правах человека или Хартия основных прав Европейского союза, упоминают право на собственность, никто не признает право на реституцию [Kuti, 2009, 92]. В результате, реституция зависела исключительно от суверенной воли государства.

Также необходимо отметить, что в переходный период отсутствовали нормативные документы, обосновывающие передачу коммунистической собственности в частную. Ратификация Европейской конвенции о правах человека (ЕСПЧ) бывшими коммунистическими странами была реализована только после 1992 г., тогда как законы о реституции действовали в некоторых странах в течении минимум двух лет.

Тем не менее, следует выделить две четкие цели, которые были переплетены в большинстве схем реституции. С одной стороны, компенсировать физическим лицам потери имущества, которые они понесли в результате несправедливых действий правительства. С другой стороны, достичь определенности в принадлежности имущества, которое рассматривалось как предварительное условие для создания эффективной рыночной экономики.

Обоснование посткоммунистических изменений режимов собственности как исследовательская проблема

Превращение коммунистической собственности в частную собственность, посредством реституции, исследовали социологи, экономисты, политологи, юристы. Исследователи заметили, что законы о реституции посткоммунистов обосновываются различными интересами,

привилегиями или обидами [Offe, Bönker, 1993, 30]. Л. Дамши изучал процессы реституции в Польше и Румынии [Damşa, 2016], М. Блэксел и К.М. Борн исследовали реституцию частной собственности и последствия официальной государственной политики в ЦВЕ [Blacksell, Born, 2002, 168] и т.д.

Одна из серьезных проблем, поставленная посткоммунистическими изменениями режимов собственности связана с объяснением и обоснованием этих изменений на основе теории справедливости. Политическое руководство должно было объяснить, как такая мера связана с характеристиками «правосудия», предусмотренными теориями справедливости. Так как в случае несправедливости посткоммунистических мер, превращающих собственность, отрицательно сказывалось на легитимности, авторитете и демократической консолидации посткоммунистических государств Центральной и Восточной Европы. В результате, практически все посткоммунистические законодатели приняли стратегию, разработанную в философско-правовой мысли [Бентам, www], где «превосходство» индивидуальной собственности доказывается путем причисления частной собственности к одному из первых (моральных) принципов. Аргументы в пользу частной собственности, приводимые в различных посткоммунистических странах, заимствуются непосредственно из классической либеральной теории [Offe, Bönker, 1993, 30], где частная собственность иногда появляется как естественное право.

Данное утверждение так же подтверждается неолиберальной парадигмой, на которой западные правительства и международные финансовые организации подошли к процессу реституции в ЦВЕ. «Неолиберализм» или «Вашингтонский консенсус» («Вашингтонский консенсус» это короткое сокращение для доминирующих идей, вызванных эволюцией идей о модернизации и развитии в 1980-х годах) стали известными как догма в области развития Министерства финансов США, Государственного департамента, агентств по оказанию помощи, Международного валютного фонда и Всемирного банка. По мнению Д. Харви неолиберализм заключается в следующем: «Теория политико-экономической практики, предлагающая наилучшим образом улучшить благосостояние людей путем освобождения индивидуальных предпринимательских свобод и навыков в рамках институциональной структуры, характеризующейся сильными правами частной собственности, свободным рынком и свободной торговлей. Роль государства заключается в создании и сохранении институциональной структуры, соответствующей такой практике» [Harvey, 2005, 2]. Как ранее отметил Кеннеди: «Правительство должно поощрять появление частных субъектов путем приватизации государственных предприятий, содействия реформе корпоративного права, укрепления частного банковского сектора, создания более открытых и эффективных финансовых рынков, содействия иностранным инвестициям, поддержки новых местных предприятий и укрепления местных Предпринимательские навыки и дух» [Trubek, Santos, 2006, 138].

Так же необходимо отметить, что частная собственность существовала в коммунистических странах, а накопление частной собственности даже поощрялась различными коммунистическими режимами. Например, в конце 1980-х годов в Болгарии 84% жилищного фонда находилось в частных руках, в Румынии около 75%, в Венгрии и Словении почти 70%, в Чехословакии и Польше около 40% [Stanilov, 2007, www]. Это объясняет, направление вектора реституции, который был направлен не на возмещение или компенсацию прошлых ошибок тоталитарного режима, а связан с перераспределением или отдачей коммунистической собственности, что схоже с приватизацией. Кроме того, Л. Дамши утверждает, что «продажа

собственности государства была одной из главных целей посткоммунистических преобразований», подтверждая ссылками на принятые законы в ЦВЕ [Damsa, 2016, 148]. Таким образом, если у посткоммунистических технологов не было достаточного экономического и юридического опыта переходного периода. Тогда как западные модели были легкодоступны для внедрения в посткоммунистические правовые и экономические системы.

Сложность проведения реституции социалистической государственной собственности заключалась в юридической неопределенности правообладателя социалистической собственности. Л. Дамши ссылаясь на исследования В. Ганева и К. Вердери утверждает, что социалистическая система собственности была введена в действие и управлялась сложной сетью бартера и подарков среди социалистических менеджеров. Эта сеть бартера и подарков была гораздо важнее, чем официальные коммунистические указы и постановления, касающиеся социалистической собственности. Таким образом, социалистические руководители жили не только в иерархии управления, но и в экономике дефицита с небольшими штрафами за иррациональное или слабое поведение. Этим социалистическим менеджерам приходилось скрывать труд и материалы, предоставляемые государством или производимые ими над запланированными целями, с целью улучшения их производства. [Damsa, 2016, 117].

В результате резкого исчезновения политических и экономических институтов коммунистического государства, которые контролировали деятельность директоров предприятий, которые продолжали управлять этими предприятиями после 1989 года, то единственными «арбитрами» законности передачи собственности от государства частным владельцам были бывшие социалистические руководители.

Тем не менее, необходимо отметить и положительную сторону реституции (приватизации). В 1991 году, когда в ЦВЕ уже были приняты схемы приватизации или реституции, средняя доля частного сектора в странах ЦВЕ и СНГ составляли в Чехословакии 28,4% , В Венгрии 33%, в Польше около 26%. [Басарева, 2016, 79]. Через десятилетие после процессов реституции и приватизации, доля частного сектора в ВВП в регионе ЦВЕ вырос более чем в три раза, что составляло более 60% национальных экономик [European, 1999, www]. Эти данные приводят нас к выводу, об эффективности процессов реституции и приватизации в ЦВЕ.

Процесс реституции на примере республики Польша

В Польше можно было ожидать, что реституция имущества начнется быстро, потому что возвращение конфискованного имущества появилось в конституции 1990 года. Тем не менее, реституция церковного имущества началась в 1989 году во время правления Раковского. Более 16 законодательных попыток создать программу реституции потерпели неудачу [Blacksell, Born, 2002, 187]. Вместо этого заявители пытались получить доступ к собственности, экспроприированной в коммунистический период, используя суды. Отсутствие законодательства ограничило количество возвращенных активов. Правовая система была медленной, и обработано менее 3 000 претензий собственности.

Было принято общее соглашение между основными политическими партиями о том, что имущество должно быть возвращено натурой, когда это возможно, в противном случае для компенсации должны использоваться реприватизационные облигации. Кроме того, основные стороны согласились с тем, что заявители должны быть польскими гражданами и что должна применяться раздвоенная система налогообложения, дифференцируя между бывшими

владельцами и наследниками. Даже в этих областях соглашения завершение программы реституции в Польше застопорилось.

Все дебаты о реституции собственности законным владельцам и их законных преемники, которые в настоящее время не имеют польского гражданства, сводятся к следующему: вернуть собственность любому иностранцу создаст прецедент, который, в свою очередь, вызовет поток подобных требований миллионами немцев. Таким образом, Польша отказывается признать какие-либо иностранные претензии, кроме наследников тех лиц, которые были польскими гражданами в 1939 году. Единственное другое исключение касается собственности немецко-еврейской общины, которая может быть восстановлена еврейскими организациями в Польше. Здесь, однако, польские власти применяют религиозный, а не этнический принцип, поэтому исключение не может служить прецедентом для иностранных заявителей.

В процессе реституции возникали административные проблемы, связанные с вопросами доказательства собственника имущества. Проблемы были скорее результатом коррупции и некомпетентности, чем плохого учета. Механика определения «рыночной стоимости» никогда не бывает простой; правовые системы борются с этим пунктом регулярно, особенно в тех случаях, когда нет готового рынка для рассматриваемого имущества. Особые трудности здесь связаны с необычным рынком ранее принадлежащих государству объектов, необходимостью оценки свойств в их составных частях (для развода первоначальной собственности от последующих улучшений), а правительство и судебная система не совсем дружат с частными заявителями. Какая бы система оценки имущества не использовалась, она должна учитывать и пытаться противодействовать почти уверенности в том, что оценщики, удерживаемые правительством, будут низкими, частные оценщики будут высокими, и стимул для всех сторон к взяткам оценщиков огромен. Опять же, точные контуры этой системы должны быть разработаны на основе опыта, но общая попытка должна состоять в том, чтобы иметь несколько, действительно независимых оценщиков и дать им каждый стимул ошибиться в направлении фактической рыночной стоимости недвижимости. [Chodakiewicz, 1997, www]

Помимо этнических, пограничных и административных проблем, задержки в Польше возникают из разногласий в обществе и на политической арене над концепциями справедливости распределения. Один законопроект о реституции прошел в обеих палатах парламента в марте 2001 года, но не стал законом из-за президентского права вето, которое президент Квасневский оправдал на основании социальной справедливости и экономического развития. В Польше некоторые виды сопротивления различным предложениям о реституции связаны с опасениями относительно прав нынешних владельцев или пользователей ранее конфискованного имущества.

Заключение

Таким образом, в результате нашего исследования мы приходим к выводу, что реституция по-прежнему остается предметом жаркой оспариваемой практики в посткоммунизме. В каждой постсоциалистической стране реституция имела и имеет свою специфику и особенности. Тем не менее, в этот период большинство населения ЦВЕ, в результате экономического кризиса, связывали демократию с экономическим процветанием, где государство удовлетворяет основные потребности. Все меры по реституции в ЦВЕ или бывшем СССР, были весьма условными и носили выборочный характер. Процесс реституции основывался на

неолиберальной теории, был направлен не на возмездие или компенсации за прошлые ошибки тоталитарного режима, а связан с распределением или отдачей коммунистической собственности, которые более схожи с приватизацией. В результате мы приходим к выводу, что цель реституции заключалась: 1. в попытке вернуть движимое и недвижимое имущество, которое было законно или незаконно конфисковано в коммунистический период; 2. перераспределение прав собственности между политическими и этническими группами; 3. Распределение привилегий между политическими и этническими группами; 4. Не допустить различные политические группы и партии к перераспределению и доступу капитала; 5. Изменить этнический состав государства. Главными выгодоприобретателями от посткоммунистической приватизации стали, бывшие коммунистические лидеры, которые в большинстве случаев сохранили свои административные посты в государстве. Склонность посткоммунистических элит к игнорированию принципа равенства при принятии законов о реституции остается темным пятном на посткоммунистической реституции ЦВЕ. Процесс реституции в Польше имел свои специфические особенности.

Библиография

1. Нагорных О.В. Декоммунизация: опыт стран Европы // Социально-политические науки. 2017. № 2. С. 11-14.
2. Appel H. Anti-Communist Justice and Founding the Post-Communist Order: Lustration and Restitution in Central Europe. URL: <https://is.muni.cz/el/1423/jaro2017/POL589/um/Appel.pdf>
3. Bockman J., Eyal G. Eastern Europe as a Laboratory for Economic Knowledge: The Transnational Roots of Neoliberalism // American Journal of Sociology. 2002. Vol. 108 (2). URL: <https://s3.amazonaws.com/academia.edu.documents/40621006/4.pdf>
4. Bönker F., Müller K., Pickel A. Postcommunist transformation and the social sciences: Cross-disciplinary approaches. New York: Rowman & Littlefield, 2003. 296 p.
5. Blacksell M., Born K.M. Private property restitution: the geographical consequences of official government policies in Central and Eastern Europe // The Geographical Journal. 2002. Vol.168(2). P. 178-190.
6. Chodakiewicz M., Currell D. RESTYTUCJA: The Problems of Property Restitution in Poland (1939–2001). URL: <http://www.projectinposterum.org/docs/restitution.pdf>
7. Daşa L. The Transformation of Property Regimes and Transitional Justice in Central Eastern Europe. In Search of a Theory. Springer International Publishing AG, 2016. P. 117-118.
8. European Bank Reconstruction and Development Transition Report 1999. URL: <https://www.ebrd.com/downloads/research/transition/TR99.pdf>
9. Harvey D. A brief history of neoliberalism. Oxford, 2005. P. 256.
10. Kuti C. Post-Communist Restitution and the Rule of law. Budapest, New York, 2009. 326 p.
11. Ludi R. The vectors of postwar victim reparations: Relief, redress and memory politics // Journal of Contemporary History. 2006. Vol. 41(3). P. 421-450.
12. Offe C., Bönker F. Forum on Restitution // East. Eur. Const. 1993. Rev. 2. P. 30.
13. Restitution. English Oxford Living Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/restitution>
14. Rittich K. Recharacterizing Restructuring: Law, Distribution, and Gender in Market Reform // Martinus Nijhoff Publishers. 2002. Vol. 3. P. 131.
15. Schwartz A. The politics of greed: How privatization structured politics in Central and Eastern Europe. Lanham, Md: Rowman & Littlefield, 2006. 357 p.
16. Stanilov K. Housing trends in Central and Eastern European cities during and after the period of transition. 2007. URL: https://www.researchgate.net/publication/226830427_Housing_trends_in_Central_and_Eastern_European_cities_during_and_after_the_period_of_transition
17. Teitel R.G. Transitional justice. New York: Oxford University Press, 2000. 292 p.
18. Trubek D.M., Santos A. (eds.) The new law and economic development: a critical appraisal. New York: Cambridge University Press, 2006. 319 p.
19. Tucker A. et al. The new politics of property rights // Critical Review. 2004. Vol. 16(4). P. 377-403.
20. Tyszka S. Restitution as a Means of Remembrance. Evocations of the recent past in the Czech Republic and in Poland after 1989. Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe. 2010. P. 305-335.
21. Vernon R. Against restitution // Political Studies. 2003. Vol. 51(3). P. 542-557.

The essence of restitution in the period of decommunization in Central and Eastern Europe

Oleg V. Nagornykh

Postgraduate,
Ural Federal University,
620002, 19, Mira av., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail; nagornykh72@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the theoretical understanding of the restitution process, which is one of the important elements of decommunization in Central and Eastern Europe. The author attempts to highlight the features and essential characteristics of these processes. As a research task, the author identified an attempt to assess the role of restitution in the process of decommunization. This problem is poorly studied in Russian literature and requires further research. At the same time, the article summarizes some of the results of the study by researchers from various fields of humanitarian knowledge of the process of decommunization in the countries of Central Eastern Europe. The author seeks to analyze the assessment of economic changes in the population of Central Eastern Europe, presented in the reviews of researchers. The article touches upon the problem of understanding the fairness of the distribution of wealth in the transition from communism to a different political and economic regime. The author also draws attention to the regulatory framework for restitution and evaluation of its effectiveness. The author comes to the conclusion that the essence of restitution is a fair redistribution of property based on the idea of inalienable human rights, including the right of private property.

For citation

Nagornykh O.V. (2018) Sushchnost' restitutsii v period dekkommunizatsii v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope [The essence of restitution in the period of decommunization in Central and Eastern Europe]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (4A), pp. 82-90.

Keywords

Decommunization, restitution, privatization, elite, justice, neoliberalism, Poland.

References

1. Appel H. *Anti-Communist Justice and Founding the Post-Communist Order: Lustration and Restitution in Central Europe*. Available at: <https://is.muni.cz/el/1423/jaro2017/POL589/um/Appel.pdf> [Accessed 08/08/2018]
2. Bockman J., Eyal G. (2002) Eastern Europe as a Laboratory for Economic Knowledge: The Transnational Roots of Neoliberalism. *American Journal of Sociology* 108 (2). Available at: <https://s3.amazonaws.com/academia.edu.documents/40621006/4.pdf>
3. Bönker F., Müller K., Pickel A. (2003) *Postcommunist transformation and the social sciences: Cross-disciplinary approaches*. New York: Rowman & Littlefield.
4. Blacksell M., Born K.M. (2002) Private property restitution: the geographical consequences of official government policies in Central and Eastern Europe. *The Geographical Journal*, 168(2), pp. 178-190.
5. Chodakiewicz M., Currell D. *RESTYTUCJA: The Problems of Property Restitution in Poland (1939–2001)*. Available at: <http://www.projectinposterum.org/docs/restitution.pdf> [Accessed 08/08/2018]

6. Damşa L. (2016) *The Transformation of Property Regimes and Transitional Justice in Central Eastern Europe. In Search of a Theory*. Springer International Publishing AG.
7. *European Bank Reconstruction and Development Transition Report 1999*. Available at: <https://www.ebrd.com/downloads/research/transition/TR99.pdf> [Accessed 08/08/2018]
8. Harvey D. (2005) *A brief history of neoliberalism*. Oxford.
9. Kuti C. (2009) *Post-Communist Restitution and the Rule of law*. Budapest, New York.
10. Ludi R. (2006) The vectors of postwar victim reparations: Relief, redress and memory politics. *Journal of Contemporary History*, 41(3), pp. 421-450.
11. Nagornykh O.V. (2017) Dekommunizatsiya: opyt stran Evropy [Decommunization: the experience of the countries of Europe]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences], 2, pp. 11-14.
12. Offe C., Bönker F. (1993) Forum on Restitution. *East. Eur. Const.*, 2, p. 30.
13. *Restitution. English Oxford Living Dictionaries*. Available at: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/restitution> [Accessed 08/08/2018]
14. Rittich K. (2002) Recharacterizing Restructuring: Law, Distribution, and Gender in Market Reform. *Martinus Nijhoff Publishers*, 3, p. 131.
15. Schwartz A. (2006) *The politics of greed: How privatization structured politics in Central and Eastern Europe*. Lanham, Md: Rowman & Littlefield.
16. Stanilov K. (2007) *Housing trends in Central and Eastern European cities during and after the period of transition*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/226830427_Housing_trends_in_Central_and_Eastern_European_cities_during_and_after_the_period_of_transition [Accessed 08/08/2018]
17. Teitel R.G. (2000) *Transitional justice*. New York: Oxford University Press.
18. Trubek D.M., Santos A. (eds.) (2006) *The new law and economic development: a critical appraisal*. New York: Cambridge University Press.
19. Tucker A. et al. (2004) The new politics of property rights. *Critical Review*, 16(4), pp. 377-403.
20. Tyszka S. (2010) Restitution as a Means of Remembrance. Evocations of the recent past in the Czech Republic and in Poland after 1989. In: *Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe*.
21. Vernon R. (2003) Against restitution. *Political Studies*, 51(3), pp. 542-557.